Отзыв научного оппонента
на диссертацию Томаша Амброзяка
«Партикуляризм в парламентской жизни
Великого княжества Литовского 1587-1648 гг.» (М., 2018)
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история

Как становится ясно с первых страниц диссертации Томаша Амброзяка, парламентаризм в правление династии Вазов в Речи Посполитой – своеобразное «Божье игрище», один лишь историографический раздел вокруг которого занимает десятки страниц и образует отдельную первую главу работы. Благодаря парламентским традициям Великое княжество Литовское сохраняло свою автономию и самобытность, и Автор диссертации задается целью проследить связь между представительными учреждениями и условиями политической унии между частями крупнейшего двуединого государства в восточной Европе изучаемого периода. Основная задача диссертанта раскрывается, когда в 1-й главе своей работы он обращается к труду Анджея Рахубы и, предложив, в целом, высокую оценку его наработок в области изучения парламентарных традиций Великого княжества Литовского, отмечает: «Научная ценность работы А. Рахубы огромна, однако содержание литовского сеймикового делопроизводства и изменения, происходившие в 1587-1648 гг., не являлись предметом детального анализа автора» (с. 53). Таким образом, перед нами не просто решение актуальной научной задачи, но и разрешение историографической дилеммы, к которой многократно вплоть до наших дней подходили исследователи, рафинируя свои интерпретации и исправляя ошибки предшественников.

Первая глава, в целом, убедительно показывает, что идея частичной или полной независимости Великого княжества Литовского после Люблинской унии возникла в исторической науке в противовес как российским, так и польским концепциям XIX – начала XX в. Ключевыми фигурами в этом процессе были Теодор Нарбутт в польской науке, Симонас Даукантас и Константинас Авижионис – в литовской, Ф.И. Леонтович, И.И. Лаппо, А.Е. Пресняков и В.И. Пичета – в российской. В польской исторической науке автор заслуженно выделяет Познанскую и Варшавскую школы, а также труды Юлиуша Бардаха и Хенрыка Виснера. Ценным вкладом диссертанта в изучаемую область следует признать сравнение между собой родственных концепций и указание расхождений в точках зрения, которые так и не нашли площадки для взаимного столкновения (как например, критика Яном Середыкой в адрес концепции Хенрыка Виснера, так и не учтенная Анджеем Закшевским). Раздел «Источники» содержит подробную характеристику сохранившейся информации о парламентаризме и привилегиях литовской шляхты в изучаемый период. По сути, во многих случаях Т. Амброзяк от описания источников и историографии их изучения переходит к структуре и механизмам функционирования представительных учреждений, каковые учреждения в одном месте своей работы автор характеризует даже как органы сословно-представительной монархии. Это позволяет превратить описание в детальный рассказ о документальном обороте от местного уровня вплоть до королевской власти. В данном разделе диссертации в дискуссии с Анджеем Рахубой высказано и смелое предположение о том, что генеральные сеймики Великого княжества Литовского не поддерживали местный партикуляризм после воссоединения Литвы и Короны в Речи Посполитую Обоих Народов, а вписывались в традиции Короны Польской, а следовательно, были «одним из проявлений коронного влияния на литовскую парламентскую систему» (с. 85). Острота данного вывода смягчена в следующем же предложении признанием, что само появление общего представительного учреждения всего Великого княжества углубляло партикуляризм. Но и это не окончательный вывод, поскольку институт генерального сеймика, как отмечает Автор, вскоре после 14 июня 1632 г. отмирает. В целом, Т. Амброзяк склоняется к выводу о том, что подавляющее большинство институтов и

механизмов работы сеймиков (и среди них – так называемые конституции сеймов) существовали в Короне еще до создания единой государственной системы Речи Посполиой в 1569 г. Рассмотрены также ключевые проблемы, обсуждаемые в историографии, например, репрезентативность источников для изучения «сеймиковой фреквенции» или степень влияния магнатов и «дробной» шляхты в работе сеймиков. Приведена подробная статистика по количеству сохранившихся инструкций шляхты на сеймы.

Вторая глава посвящена роли парламентских институтов Великого княжества Литовского в политической системе Речи Посполитой. Здесь исследование проводится с учетом неравенства «сил» Короны и Литвы как составных частей единой государственной системы. Наибольшее научное значение имеет в этой главе анализ понятий и риторики в сеймовых инструкциях (всего 141 за выбранный период). Набор этих понятий, в целом, напоминает те, что изучали Кароль Мазур и Эва Бем-Вишневская, однако Т. Амброзяк по сходной модели анализирует более широкий круг источников, выявляя значения понятий, характеризующих идентификацию и коллективное самосознание шляхты. Важный результат – статистическое обоснование предположения, что «речь посполитая» в значении «власть, сейм» наиболее часто в абсолютном и относительном измерении (по числу раз на инструкцию) выступает во втором десятилетии XVII в., а затем после перерыва – в 1630-1640-е годы (с. 142-143), тогда как по частоте примеров на страницу рукописи чаще всего понятие встречается в 1620-е годы (с. 134-135). Важно, что Автор вслед за своими предшественниками осознает опасность своих подсчетов – они могут быть построены на ложном ограничении круга значений понятия в каждом изученном примере (с. 144-146). В становлении партикулярного аппарата управления в Великом княжестве Литовском, как показывает Т. Амброзяк, сыграли немалую роль виленская конвокация, Литовский Трибунал (1581 г.), Третий Литовский Статут (1588 г.). В этой главе приводится множество фактов, в значительной части энциклопедически известных, хотя конечно, поданных в свете изучаемой проблемы. Среди них – о реформах управления и суда в Великом княжестве Литовском в 1564-1566 гг., о причинах Люблинской унии и последствиях объединения для государственных структур Великого княжества. Факторы, подтолкнувшие Литву к вхождению в состав Короны, приведены под углом зрения вынужденного объединения. Этот взгляд разделяли еще М.К. Любавский, Оскар Халецкий, Ярослав Пеленский и многие другие специалисты. Я не уверен, что сам данный тезис заслуживал столь подробной разработки, будучи давно дискуссионным достижением исторической науки. Более существенным для избранной темы, на мой взгляд, является анализ особенностей литовской парламентской практики, показавший немалую самобытность Великого княжества и его обособленность от Короны (например, в численности епископов, воевод и каштелянов в Сенате). Впрочем, ряд институциональных особенностей сейма проявились уже за хронологическими границами работы, и в их числе такие существенные, как первые случаи применения “liberum veto” (с 1652 г.) или проведение сейма на территории Великого княжества (с 1653 г.). Об этом, думается, важно было бы сказать подробнее, учитывая, что намеченная в работе Т. Амброзяка хронологическая грань в истории парламентаризма, положенная в 1648 г., определена не институциональными, а общегосударственными и династическими причинами.

Наиболее сложная по замыслу и спорная по результатам 3-я глава диссертационного исследования. Она затрагивает проблемы восприятия литовской шляхтой прав на представительство и политическое участие. Как показывает диссертант, шляхта почти 20 лет боролась за территориальную целостность Великого княжества, пытаясь вернуть отторгнутые по Люблинскому договору земли, до конца 1610-х годов обсуждала посылку татарам «поминок». Самое непосредственное участие принимала шляхта в обсуждении прерогатив королевской власти, места проведения сейма, вопросов распределения урядов и порядка проведения церемоний, утраты и возвращения земель,

внутренних границ, войны и мира, особенно с Московским государством. В этой главе спешность заметна, например, в освоении Автором трудов предшественников. Например, сюжет о возвращении Москве Трубчевска заслуживает обращения к детальным работам на близкие темы Б.Н. Флори, Иеронима Грали, Наталии Слиж (ср. с. 175-183, 238). Однако ключевая проблема данной главы в другом. Диссертация, как следует из ее названия, посвящена проблемам партикуляризма в парламентской жизни Великого княжества Литовского, и читая данный немаловажный и тщательно прописанный раздел работы, мы ожидаем увидеть ответ на вопрос о том, как именно обсуждение тех или иных вопросов шляхтой формировало и воплощало местное партикулярное самосознание.

Мы уже перешли к спорным и слабым сторонам диссертации Т. Амброзяка. Не вызывает согласия прием, впрочем, нередко встречающийся в научной литературе, предполагающий перенос научных выводов на популярные представления и политическую повестку. Так, о концепции Симонаса Даукантаса говорится в обсуждаемой работе, будто она не только влияла на понимание прошлого в Литве, но и «во многом сформировала литовское самосознание и национальную мифологию» (с. 36). Бесспорно, историки зависят в своих построениях от публики и политического заказа и отчасти несут ответственность за то, как их труды будут восприняты. Но прямая связь между авторской исторической концепцией и столь бесплотными и неизмеримыми реалиями, как «литовское самосознание и национальная мифология» вызывает больше вопросов, чем согласия. Практически все ссылки Т. Амброзяка к фрагментам о взаимной нетерпимости польских и литовских национально-возрожденческих и межвоенных исторических традиций ведут к одной работе – обильно цитируемой в диссертации книге К. Буховского. Сам по себе этот факт вызывает подозрение, нет ли избыточной прямолинейности в тезисе, и не носит ли он следов политической повестки наших дней (с. 36, 39, 44). Не считая самого этого факта, да и еще и с разительным креном в историографический кругозор одной только польской исторической науки, в конструировании данного тезиса упущены давно существующие работы других национальных школ. Так, есть большая докторская диссертация об историографии Люблинской унии, защищенная в современной Украине. Недавно в литовской печати появились интернациональные по замыслу сборники, посвященные восприятию и традициям Унии. Не раз высказывался, например, Зенон Когут о противостоянии национальных и имперских традиций в российской историографии XIX – начала XX в. Нет в диссертации Т. Амброзяка разбора лишь бегло упоминаемых белорусских работ по парламентаризму Великого княжества Литовского. Я бы предложил автору быть осторожнее, когда речь заходит о «литовской идентичности» или «литовском взгляде». Это конструкт, звучащий ненаучно. Возможно, популярных дискурсов не избежать, но декларируемый в методологическом разделе диссертации дискурс-анализ в применении к этой идентичности востребован не меньше (а может быть, и больше), чем к источникам XVI-XVII вв. Более того, в ряде случаев вовсе непонятно, говорится ли в работе о культурных стратегиях наших дней или идентичностях, изобретенных в изучаемую эпоху (например, на с. 63-64).

Из мелких замечаний к разделу «Источники» в надежде на улучшение работы при ее переработке в монографию. Говоря о «Хронике Быховца», следовало бы учесть находку Гедиминаса Лесмайтиса, опубликованную только что в Литве Кястутисом Гудмантасом и Надеждой Морозовой. Краковский отрывок датируется, безусловно, XVI веком, и это, как мне представляется, вносит ясность в вопрос о раннем существовании или фальсификации данной хроники (с. 64, ср.: Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas / parengė Kęstutis Gudmantas, Nadežda Morozova. Vilnius: LLiTI, 2017. 205 p.). Что касается «Хроники» М. Стрыйковского, то невозможно согласиться, что она была закончена в 1573 г. В данном случае важно учесть наблюдения Е. Юркевича за поздними дополнениями и переработками текста, которые никак не могли возникнуть до походов Стефана Батория (с. 65-68; ср.: *Jurkiewicz J.* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europeae Descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas.

Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93). Автор этих строк в одной своей работе высказывал аргументы в пользу того, что версии своей исторической поэмы «О началах» Стрыйковский переиначил уже около 1578 г. на фоне эпистолярного противостояния между Иваном Грозным и Стефаном Баторием. При этом у меня не вызывает сомнений, что поэма «О началах» является одной из ранних версий позднее изданной «Хроники», и возникнуть многие специфические для поэмы фрагменты, отличающие ее от «Хроники», могли в период Первого и Второго interregnum.

Говоря о языке сеймиковых инструкций, Т. Амброзяк, на мой взгляд, недооценивает различия между территориальными единицами Речи Посполитой. Ссылки на Анджея Рахубу и Анджея Закшевского в этом месте показывают, что подразумеваются земли Великого княжества Литовского в границах до 1569 г. и затем в изменившихся границах после перехода ряда земель в состав Короны Польской (с. 78-79). Однако результаты исследований Кароля Мазура автором все же учтены, а они целиком посвящены тем землям Речи Посполитой, на которых господствующим оставался рутенско-русский язык. Кстати, это название языка («рутенский»), как представляется, более точно отражает реалии XVI-XVII вв., чем позднейшие и идеологически-нагруженные понятия «западнорусский» и «старобелорусский» (с. 78).

Высказанные выше замечания и полемические ремарки влияют только положительно на мою общую оценку представленной диссертации. Будучи своеобразным «окном» в польский научный мир, исследование Т. Амброзяка является одновременно и важным словом в российской науке, не просто знакомя сообщество с достижениями коллег, но и внося свой ценный вклад в историю польско-литовского парламентаризма Нового времени, обнаруживая точки пересечения между научными традициями России, Польши, Белоруссии, Литвы, Украины и других стран. Переиначивая цитируемые в диссертации слова Рышарда Меницкого (с. 62), сделать в изучаемом вопросе предстоит уже чуть меньше, чем раньше, - и в этом несомненная заслуга диссертанта. В работе использован обширный архивный материал и продемонстрирована нерядовая подкованность в работе с историографическими источниками. В целом, перед нами состоявшаяся научная работа, соответствующая п. 9 Положения о присуждении ученых степеней и заслуживающая присуждения ее автору, Томашу Амброзяку, ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Ерусалимский Константин Юрьевич,
проф. кафедры истории
и теории культуры Российского
государственного гуманитарного
университета, д. и. н., доцент
Адрес РГГУ: 125993
Российская Федерация
Москва Миусская пл., 6
25.06.2018
kerusalimski@mail.ru
+79

Подпись К. Ю. Ерусалимского
удостоверяю
Ростова Т.Н.
нач. канцелярии
25.06.2018

Проректор по научной работе
О.В. Павленко